

ЕВГЕНИЯ ДЕКИНА

ВРЕМЯ НАРЦИССОВ

Современная литература, как и культура в целом, находится в крайне сложном положении. Из-за бурного развития информационного общества меняются не какие-то частности нашего с вами привычного уклада — полностью изменился тип мышления. Наступило время, которое философ Жан Бодрийяр назвал “временем после оргии”. Полным ходом идёт четвёртая промышленная революция, киберфизические системы внедряются в производство и обслуживание человеческих потребностей. Меняется вся культурная парадигма.

Мы незаметно для себя начинаем воспринимать мир иначе. Кажется, что это какие-то микроскопические изменения, но представьте себе, что раньше автору, который хочет внести изменения в текст, приходилось перепечатывать всю страницу заново, а потом появился компьютер и кнопка отмены. Раньше перед тем, как перепечатать, автор перепроверял текст, думал, что ещё можно улучшить, чтобы не пришлось снова переделывать. Страница воспринималась как свершившийся акт. Теперь ты можешь всё отменить. Отменить знак, букву, действие, вернуться к вчерашнему варианту. Ничто не конечно, и всё может оказаться пробным вариантом. Мир становится приблизительнее. Грамотным можно не быть — автоматическая программа проверки грамотности сделает всё за тебя. Мы стали думать меньше, мы перестали взвешивать. Технологии продвинулись ещё дальше — появились голосовые расшифровщики, и можно надиктовать, а потом проверить грамотность программой. Автору остаётся только мыслить.

Но. И это, оказывается, не предел. Созданы программы, способные сами создавать художественные тексты. Эти программы самообучаются, имитируют мыслительную деятельность, и скоро автор будет не нужен. И писателю будущего придётся уже отвечать не на вопрос о том, зачем я пишу, а на вопрос: чем я лучше компьютера? Что я смогу сделать в культуре, чего не может сделать он? Естественно, литература в таких условиях не может оставаться прежней, она тоже меняется невероятно быстро, отражая в этих изменениях и изменение языка, и изменение мышления.

Конечно, не стоит думать, что литература исчезнет, — живёт же театр, частично ушедший в кинематограф, выживет и литература, однако роль её в культуре, возможно, станет столь же незначительной, как и нынешняя роль театра. Мы уже видим это за рубежом, где литература давно существует в двух ипостасях: “университетская литература”, которую на гранты и дотации создают прикрепленные к кафедрам филологи, и массовая. Массовая — это однодневная, прикладная, то есть разработка художественного мира-основы для экранизаций или компьютерных игр.

Мы можем и дальше закрывать глаза на происходящие в мире процессы и думать, что с нашей культурой этого не произойдёт. Но это не так. Даже полная изоляция своей культуры от иностранных влияний, как в Китае, например, ни к чему не приводит — даже там эти процессы уже заметны и вызывают бурную реакцию. В Китае, кстати, государство активно поддерживает литераторов, интерес к литературе растёт, развивается книгоиздание и литературная периодика. Нам на это рассчитывать не приходится, поэтому наше положение куда более сложное, и найти из него выходы — сейчас наша основная задача.

И для начала нам следует понять, кто они — современные авторы, которые создают теперешний литературный процесс. На что ориентированы эти люди, как они видят происходящее и на какую систему ценностей опираются, что несут они своему читателю. Для этого нам придётся сначала поговорить о современном поколении вообще и только после этого перейти к литераторам.

Моя мама, которая всю жизнь проработала с трудными подростками в вечерней школе маленького сибирского городка, говорит, что изменения эти колоссальны. Каждое последующее поколение, безусловно, отличалось от предыдущего, но на этот раз возникло что-то настолько необычное, что это отмечают все. Новое поколение эмоционально куда более развито, чем предыдущие: оно лучше чувствует эмоции, интересуется психологией и иначе общается.

Современное поколение называют поколением интеллектуального фаст-фуда, поколением Z (англ. Generation Z), iПоколением или поколением “Me-MeMe”. Это последнее поколение, выросшее без интернета, но успевшее к нему частично адаптироваться. В Гарварде проводятся целые исследования о сознании этого поколения, вызывающие бурную полемику. Современный молодой человек (родившийся в 1980-х — 2000-х годах) не просто общается через интернет, он социализируется в обществе с его помощью. Написать сообщение и посмотреть страницу в соцсети для него привычнее, чем говорить вживую. Он проводит с электронными устройствами больше времени, чем с людьми, и отправляет порядка 88 сообщений в день. Это, естественно, меняет тип мышления.

Через меня идёт колоссальный поток текстов самых разных современных авторов — как начинающих (в семинарах), так и опытных (в отделе прозы литературного журнала), и те общие тенденции, которые я для себя отмечаю, поразительным образом совпадают с исследованиями мировых футурологов, которые озабочены сохранением культуры. Самые явные тенденции я выделю и поясню примерами из текстов. Авторы этих текстов я называть не буду, чтобы никого не обидеть и не обрушить на них потоки праведного гнева читателей. Некоторые особенно категоричные читатели иногда воспринимают авторский посыл как сознательную позицию — вот, автор, мол, специально подрывает устой и рушит последнюю опору гуманизма, а автор, как мы с вами сейчас выясним, просто пытается отразить наше непростое время.

“О’кей, бумер!”, или Жизнь без авторитетов

Это пренебрежительная фраза, которую часто употребляет поколение Z в ответ на попытки вразумить молодёжь. Она получила широкую популярность после того, как 25-летняя депутат из Новой Зеландии ответила “О’кей, бумер!” старшему члену парламента, который перебил её насмешкой над возрастом девушки.

Отсутствие авторитета старших отмечают все, не только учёные, но и педагоги, которые говорят о том, что дети перестали подчиняться, — они хамят, задают неудобные вопросы, отказываются выполнять задания и постоянно заявляют о своих правах. Джоэл Штайн из журнала Time опубликовал статью со статистическими исследованиями, из которых следует, что почти 80 процентов современных американских подростков сомневаются в авторитете старших, считают школу игрой, в которую придётся сыграть, чтобы получить диплом. Само по себе это не было бы критичным — мы знаем примеры революционных настроений в обществе, которые не раз приводили к обновлению культуры, освобождали пространство для нового. Но тут совершенно другая

ситуация, потому что взрослые не воспринимаются как сдерживающая сила, с которой стоит бороться, чтобы утвердить собственную систему ценностей.

Взрослые — это просто источник материальных благ со своей субъективной системой требований. С источником своего дохода лучше не ссориться, а потому требования лучше выполнять. Современный молодой герой, окончивший учёбу, работающий, живущий отдельно, спокойно берёт деньги у родителей. Пластиковая карта, на которую в любой момент можно попросить перевод, — обычный аксессуар.

Прошрое поколение (нынешние тридцати-сорокалетние) было сфокусировано на семейных ценностях: в произведениях литературы активно разбирались огрехи воспитания, детские травмы, комплексы, родительские влияния, мешающие детям быть счастливыми. Это и сейчас интересует авторов этого возраста. В центре повествования был конфликт с бившим в детстве отцом-алкоголиком, бабушкой-тираном, манипулирующей матерью и проч. Теперь этого нет. В произведениях современного автора у героя нет родителей, нет бабушки и дедушки, нет семьи вообще. О них умалчивается в принципе, и упоминается только в связи с денежными переводами. Герой решает рабочие проблемы, переживает любовные драмы в одиночестве. Родитель (чаще всего мать) появляется в критической ситуации, чтобы дать денег или найти психолога — это тоже показатель. Советоваться с родителем бессмысленно, он “бумер”, он всё равно ничего не понимает.

Появился и ещё один мотив, которого раньше было раз в семь меньше. Герой о своих переживаниях много рассказывает своим сверстникам, и делает это напрямую, чётко, сложившимся языком письменной, а не устной речи. Диалог в соцсетях становится главным способом коммуникации. Но он ни к чему не приводит и смысловых ответов не даёт. Он нужен только для того, чтобы описать происходящее от первого лица. Сверстник сочувствует и советует опять же обратиться к психологу, который должен решить проблему. Масса таких сцен в текстах современных авторов. “Давление сверстников антиинтеллектуально, — говорит профессор Марк Баурляйн. — Истории не известны люди, которые могли бы повзрослеть под влиянием одногруппков. Чтобы развиваться, тебе нужны те, кто старше: 17-летние не взрослеют, если общаются только с 17-летними...”. Отсюда возникает следующая важнейшая тенденция.

Инфантильность

Типичный представитель поколения живёт с родителями до 30 и после. По результатам нашумевшего исследования в журнале Time в 1992 году около 80% людей в возрасте до 23 лет хотели получить работу с высокой степенью ответственности; 10 лет спустя этот показатель упал до 60%, сейчас — уже до 30. Это напрямую повлияло и на литературу.

Во-первых, грамотность и стилистика. Авторы поколения не способны выполнять монотонную кропотливую работу, они не могут править текст, поэтому неуклонно падает качество. По этой же причине сокращается объём текста и усредняется язык. Они пишут странной смесью разговорного с официально-деловым, и художественной ценности такой текст иметь не может.

Во-вторых, и это самое страшное, меняется уровень осмысления реальности. Они фантастически наивны. Конфликты в произведениях раздуваются из ничего — простейшее несовпадение взглядов становится неразрешимой проблемой и поводом для вражды. Человек оказался токсичен. Человек оказался не-веганом. Человек не хочет беречь планету. Злодеи сами по себе злы и совершают плохие поступки, потому что автору так нужно. Очень часто злодей просто болен, и ему нужно сходить к психологу.

Классическая русская литература всегда славилась глубочайшим погружением в психологию человека, совершала открытия в этой области, говорила об идеях. Теперь этого нет. Есть проблемный человек, он должен лечиться. На этом у автора всё.

Что интересно, злодей теперь всегда плохо выглядит, и вообще, все теперь выглядят так, что сразу всё про них ясно. Это новый мотив. Раньше в литературе было принято усложнять образы, наделять злодея обворожительной внешностью или давать читателю подсказку вроде “беличьих зубов”, чтобы насторожить. Современный человек постоянно рассказывает о происходящем

фотографиями, это развивает визуальное восприятие и разрушает образное, поэтому современный автор придумать сложный образ просто не может, он категоричен и прост. “Красивый”, “модный”, “анорексичный”, “асексуальный”, “крутой лук” (от англ. Look – смотреть), “ключицы”, “кофе”, “рюкзак”, “мартинсы”. Сейчас достаточно навесить ярлык, упомянуть ключ, который будет отсылать к целому понятийному комплексу, ясному, к сожалению, только представителю соответствующего поколения. Человек сейчас мыслит мемами.

Это понятие ввёл Ричард Доккинз. Он обозначал мем как широкое понятие, которое означает элементарную единицу любой информации, отсылающую человека к коллективной памяти. А коллективная память – резервуар, где хранятся отточенные временем мысли и программы поведения.

Раньше такую функцию выполняли поговорки – они запоминались благодаря яркой форме, но несли в себе сразу целый комплекс идей. И они считывались вербально, а современный мем основан на картинке с забавной подписью, и сейчас интернет-мемы представляют собой сжатые программы смыслов, которые очень быстро грузятся в наше сознание и поощряют к действию. Американский философ и когнитивист Дэниел Деннет пишет, что эффект мемов усиливается за счёт того, что они считываются не только на вербальном (логическом), но и визуальном (образном) уровне. Чем больше каналов восприятия вовлечены, тем мощнее эффект. Благодаря визуальной форме мемы попадают сразу на подсознательный, сублимативный уровень, минуя сознание. Некоторые учёные делают предположения, что мемы и правда поработают человека: об этом, к примеру пишет Дуглас Рашкофф в книге о медиавирусах.

Современные школьники почти не общаются словами, они пересылают друг другу смешные видео и картинки и говорят фразами оттуда, примерно как Эллочка-людоедка. Мои ученики как-то пожаловались мне на то, что в принципе не могут говорить с родителями и старшим поколением. Между собой они общаются мемами и фразами из них, а когда они начинают объяснять смысл родителям, им приходится растолковывать сразу целый пласт информации. А мем – мгновенен, его остроумный эффект рассчитан на быструю восприятия, и получается, как при долгом объяснении смысла анекдота – глупо и не смешно. От этого непонимание растёт и создаётся ощущение, что общаться со старшими бессмысленно в принципе. Отсюда проистекает следующая тенденция.

Политическая пассивность

Это поколение готово ругаться в интернете по поводу того, что котиков не разрешают брать в салон самолёта, готово отказаться от пластиковой посуды, потому что она загрязняет окружающую среду, готово выйти на митинг по поводу подтасовок на выборах, но бороться за конкретного кандидата это поколение уже не выйдет. Политическая система дискредитировала себя в принципе, она больше не интересна. А так как со старшим поколением говорить бессмысленно, попыток разобраться в политике молодое поколение тоже не предпринимает.

По сравнению с предыдущими поколениями они проявляют гораздо меньшую гражданскую активность и почти не принимают участия в политической жизни. За последние полгода я прочла около 500 текстов молодых авторов. Угадайте, сколько из них было текстов с ярко выраженной политической позицией? Ни одного. Исторических было 3. 3 из 500. Того ухода в историческое прошлое, в чем сейчас активно обвиняют поколение постарше, больше нет. Предыдущее поколение пыталось в прошлом найти истоки событий, происходящих в обществе сейчас, выстроить взаимосвязи оттуда. Потому как осмыслить тот гигантский информационный поток, в котором мы пребываем, практически невозможно. Молодая проза даже не пытается. Это связано ещё и со следующей важной тенденцией.

Обесценивание знания

Исчезла интеллектуальная ценность знания – есть интернет, и факт всегда можно загуглить, а потому произведение искусства утрачивает познавательный компонент. Раньше автору важно было быть эрудитом, выстраивать

сложные метафоры, использовать аллюзии и реминисценции, позволяющие вписать произведение в традицию или обозначить полемические взаимосвязи. Современный автор не использует НИЧЕГО. Эпиграфами он берёт строчки из популярных песен, а главы называет фразами из мемов. В этом не было бы ничего страшного, если бы это было принципиальное отталкивание от культуры прошлого, попытка сделать наоборот, идти другим путём, но это просто игнорирование. Это новое начало. С нуля.

Литература, которая всегда была вместилищем культуры, которая и сохраняла связи, проговаривала и объединяла разрозненное, постепенно превращается в некое подобие музыки, где есть эмоциональная составляющая, но нет фактологической. Возможно ли при этом сохранение философского смысла? Как-то не слишком в это верится.

Нарциссическое расстройство личности

Об этом уже написана масса трудов. Нарциссическое расстройство личности во всём мире признано болезнью поколения. В психиатрии это расстройство личности, характеризующееся убеждённой в собственной уникальности, особом положении, превосходстве над остальными людьми, грандиозностью; завышенным мнением о своих талантах и достижениях; поглощённостью фантазиями о своих успехах; ожиданием безусловно хорошего отношения и беспрекословного подчинения от окружающих; поиском восхищения окружающих для подтверждения своей уникальности и значимости; неумением проявлять сочувствие; идеями о собственной свободе от любых правил или о том, что окружающие им завидуют. Нарциссические личности постоянно пытаются контролировать мнение окружающих о себе. Они склонны обесценивать практически всё, что их окружает, идеализируя при этом то, с чем они ассоциируют самих себя. Оно встречается у нынешних двадцатилетних втрое чаще, чем у поколения тех, кому сегодня 65 и больше; студенты 2009 года на 58% более нарциссичны, чем студенты 1982-го.

Именно поэтому растёт охватившая литературу графомания. Этому поколению хочется зафиксировать пресловутое “я так вижу”, то есть то, как они смотрят на мир и как-то его видят, кажется им настолько важным, что об этом следует написать даже без сюжета, без персонажей, без собственно литературы. Увеличивается количество Я-прозы, мемуаристики, что обусловлено эгоцентризмом и желанием славы, но из-за постоянного общения с друзьями и сверстниками художественного уровня эти тексты не достигают и достигнуть не могут. Позицию вненаходимости, первичную для создания художественного произведения, современные авторы занять не умеют, они слишком сфокусированы на себе, пытаются выразить свою “сложную и противоречивую натуру”, которая сложна и противоречива только потому, что обращена внутрь себя и на себе замкнута.

Авторы такого типа занимаются бесконечной самофиксацией себя любимого в предлагаемых выдуманных обстоятельствах. Они пишут о своих мечтах: как они богатеют, охмуряют красавиц, пьют и романтически болтаются по городам мира, создавая стартапы и открывая трастовые фонды, о которых никакого представления не имеют. То есть теперь это даже не психологическая или бытовая проза, содержательно это сентиментальная “Я-эссеистика”, даже когда она написана не от первого лица. Причём такие произведения имеют особую поэтику и подчеркнута эстетичны по форме. Это своеобразная трансформация идеи “чистого искусства”, однако искусством она так и не становится, потому что настоящее литературное произведение – это многоуровневая структура, в которой в тонкой взаимосвязи находятся все уровни человеческого бытия, а в упомянутых произведениях, кроме формализма, ничего нет.

Кроме того, это поколение поголовно считает себя гениями, поэтому они сразу берутся за сложные формы и сюжеты, уже зарекомендовавшие себя как успешные. Самоуверенность и амбициозность (а это тоже общие характерные черты данного поколения) обрекают их на желание взять бастион мировой литературы с наскока и мгновенно прославиться – мотивационные истории успеха “звёзд” массовой культуры убеждают их в том, что это возможно. Они прочитывают несколько книг из разряда “Истории на миллион”, заканчивают шарлатанские курсы для графоманов и радостно издают свои книги на родительские деньги. Теперь большая часть молодых авторов изначально ориентирована на хит.

С развитием интернета в свободном доступе оказалась масса псевдонаучной информации о том, как создать успешное литературное произведение, множество всяческих руководств, форматов и "образцов". Молодые авторы следуют этим рекомендациям и начинают подражать мировым трендам.

Это всё было бы неважно и никак не влияло бы на современный литературный процесс, но на территорию искусства вторгся профессиональный пират, что уничтожило критерии художественности. Эталона нет, но есть "авторитетные мнения", которые убеждают нас в том, что любая распиаренная книга – художественное событие. Мы потеряли систему профессиональной литературной критики (раньше критиками были профессиональные филологи, умеющие адекватно оценивать текст), почти потеряли толстые литературные журналы, державшие планку качества.

И на фоне этого появляется новое поколение нарциссов, одержимых славой. Опрос 2007 года показывает, что школьники, которые хотят стать личным ассистентом известного человека, втрое больше, чем мечтающих стать сенаторами. Они уверены в собственной крутизне: 60% из них считают, что способны интуитивно определить, что правильно, а что нет. Они одержимы успешностью и мотивацией и настолько привыкли к постоянным поощрениям, что 40% из них рассчитывают на повышение каждые два года, вне зависимости от успехов в работе и личной эффективности. Слава богу, что часть из них уходит в прикладные области литературного творчества – кинодраматургия, реклама, копирайтинг, текстовое сопровождение компьютерных игр, блогинг и журналистику.

И что ещё любопытно в этой связи – зависть теперь полноценный мотив для творчества. И он реализуется не в виде какой-то классовой ненависти, нет. Теперь это так же обычно и естественно, как ревность или амбиции. Убил из зависти, представляете? А я такое частенько читаю.

Отсутствие креативности

Об этом впервые заговорили медики. Постоянный поиск дозы дофамина снижает креативность. По данным тестов Торранса, креативность молодёжи росла с середины 1960-х до середины 1980-х. Затем падала – и резко обвалилась в 1998-м. Начиная с 2000 года аналогичное падение показателей наблюдается относительно эмпатии, которая необходима, чтобы интересоваться другими людьми и другими точками зрения. Это, по их мнению, связано с ростом нарциссизма и нехваткой коммуникаций "лицом к лицу". А если добавить сюда ещё и распространяющееся мемное мышление, ситуация становится критической. Голливуд уже расписался в своей беспомощности, заговорив о кризисе идей и объявив широкомасштабный поиск интересных сюжетов в развивающихся странах.

Современные авторы пишут фанфики, приквелы и сиквелы к известным книгам, а часть пытается создать условно "свое" в таких жанрах, которое, конечно же, из-за диктата выбранного формата своим быть никак не может. Молодой автор живёт в виртуальном мире сериалов и компьютерных игр, по сравнению с которыми реальность – скука и "тлен". Естественно, наблюдать за такой реальностью и осмысливать её молодой автор не хочет, а потому продолжает множить симулякры и создавать неловкие подражания известным произведениям.

В прозе молодые авторы создают миры непродуманной и непроработанной фантастики и фэнтези. Сделать это качественно молодые авторы не в состоянии по этой же причине – из-за нежелания обратиться к реальности. Ведь для выстраивания собственного ирреального мира необходимо обладать критическим мышлением и понимать законы функционирования мира реального. Хотя бы частично.

Позитивизм

Новое поколение – позитивисты, они не любят расстраиваться, не хотят думать о плохом, считают, что если ты настроен негативно, то это притянет в твою жизнь дурные события. Но их позитивное – это не тяжкая попытка найти свет в темных сторонах жизни или путём проб и ошибок выйти из травмирующей ситуации, нет. Это очередной игнор.

Они просто переключаются на другое. Например, на просмотр забавного контента, и глубокого осмысления реальности от автора этого контента уже не требуется. По мнению Джоэла Штайна, это приведёт к тому, что читатель будет требовать от текста коучинга, повышения мотивации и подчёркнутой позитивности. Естественно, в таких условиях трансформируется и сама литература, утратив привычную жанровую систему и превратившись в короткие исповедальные посты в соцсетях о том, как автор смог и что он преодолел. Я замечаю это на своих постах — больше всего лайков набирают рассказы о том, как было плохо, но я постаралась, и стало хорошо. Плохо ли это для литературы? Да. Потому что это не просто форматное требование — это определённая отупляющая идеология.

При этом массовая культура, которая теперь базируется на основах теории восприятия и психологических разработках, достигла очень высокого уровня технического развития. Она с помощью мелькания цвета и перепадов звука на животном уровне способна удерживать внимание воспринимающего сколь угодно долго. Вместе с тем, целиком ориентированная на развлекательность, она утратила и всяческую смысловую обязательность. В этих условиях исчезнет социальная и психологическая составляющая, исчерпается интерес к человеку, уйдёт интеллектуальная наполненность, креативность и собственные идеи. А что останется?

Я не хочу призывать к панике и транслировать упаднические настроения, но не кажется ли вам, что всё это обязывает нас оторваться от тех проблем, которые мы решаем сейчас, объединиться и подумать о нашем будущем?